

Текст · 26 апреля 2022, 15:47

Джошуа Яффа,

Вдали от новостей, в центре насилия. Репортаж *New Yorker* из украинского села Новый Быков, где во время оккупации пленных держали в подвале

«Медиазона» продолжает переводить на русский язык серию больших репортажей корреспондента журнала - *New Yorker* Джошуа Яффа из Украины. Репортажи из пережившей оккупацию северной Украины дают наиболее целостное представление о событиях этой войны российскому читателю, который по многим причинам лишен доступа к такого рода свидетельствам.

Предыдущие два репортажа Яффа — [о первых неделях войны](#) и [об осаде Чернигова](#) — мы публиковали на прошлой неделе. Третий материал посвящен небольшому селу Новый Быков на границе Киевской и Черниговской областей. В *New Yorker* он [вышел](#) 8 апреля.

В селе Новый Быков, что в ста километрах от Киева^[1], меня повели в подвал. В течение месяца российские солдаты жили в местном доме культуры. Они разложили матрасы на полу, а снаружи поставили зенитки. Все это время в котельной в подвале хозблока они держали заключенных — до 22 человек одновременно. Внутри котельной была ниша с каменными стенками размером с лежащий на боку холодильник. Максим Дидык, 21-летний автомеханик, рассказал мне, что провел в ней восемь

дней. Внутри едва можно было лечь, а стоять было и вовсе невозможно: Дидык и другие пленные могли только встать на колени. Единовременно внутри находились до семи человек.

Около полудня 19 марта Дидык с дедом пошел кормить коров, кур и свиней. Новый Быков к этому моменту уже несколько недель жил под оккупацией. Когда они проходили российский блокпост, солдаты сказали, что на все про все у них есть двадцать минут и лучше бы им поторопиться. Когда они вернулись, на блокпосту их встретили уже другие солдаты. Дидыка отвели в сторону и допросили: у кого в селе есть золото, у кого есть оружие, кто вступил в местные отряды сил территориальной обороны.

Потом, вспоминает Дидык, ему надели на голову мешок, повели в подвал, связали руки и жестоко избили. Было даже такое, что военный бил его молотком по коленям. Допросы продолжались: у него пытались выведать расположение ближайших позиций украинских военных. Дидык знал ответы на многие вопросы, но «молчал до последнего»: «Я им сказал только одно — где находится ближайший украинский блокпост, но они это и так знали».

Вскоре в подвал бросили и других мужчин из села. Когда его остановили российские военные, Игорь Занько шел за сигаретами. «Вы задержаны Российской Федерацией в рамках военного положения», — сказал ему военный. Василий Тирпак рассказал, что к нему подошли русские военные, направив на него автоматы, поставили на колени. Тирпака спрашивали, где сельчане прячут оружие.

Один из военных вытащил пистолет и прикрепил глушитель. Сперва он навел его на голову Тирпака, затем нанес удар рукояткой. «Не хочешь говорить, — сказал военный, — тогда отправишься в подвал на пару дней. Может, память вернется».



Новый Быков после ухода российской армии. Кадр: General Staff of the Armed Forces of Ukraine / YouTube

Все трое — Дидык, Занько и Тирпак — вспоминают еще одну заключенную из подвала, 25-летнюю учительницу из соседнего села Старый Быков Викторию Андрушу. Я встретился с ее отцом Миколой, статным мужчиной с мощными руками; пока мы говорили, у него на глазах часто проступали слезы. 25 марта на улице, где живет семья, появились два российских БТРа. Из них выбежали пятнадцать человек, которые обыскали дом Миколы и забрали три тысячи долларов наличными — все семейные сбережения. Один солдат сел на качели перед домом. «Мне на все похеру, — сказал он Миколу. — В России меня никто не ждет. Отца нет, мать алкоголичка».

Российские солдаты заподозрили Викторию в передаче данных о передвижениях российских войск украинской разведке. Через два дня Микола видел, как

ее под дулами автоматов провели мимо их дома, но не решился ничего сказать: «Ее бы расстреляли, да и меня тоже».

Тирпак рассказал, что Андруша отвечала похитителям только на украинском языке. На второй день из подвала ее вывели. Тирпак слышал, что ее планировали использовать при обмене пленными. «Она очень ценный кадр», — слышал он слова российского офицера. Занько также говорит, что Викторию увели без объяснения причин, и добавляет: русские были непредсказуемы, их настроение часто зависело от того, сколько они выпили. Они не распространялись о том, зачем оказались в Украине, лишь однажды командир сказал Дидыку: «У вас плохой президент, из-за него нам пришлось сюда приехать».

28 марта российские солдаты сказали заключенным, что они уходят из Нового Быкова. Никто при этом не говорил про ситуацию в целом: после неудачной попытки захватить Киев российское командование решило отвести войска и перебросить их на восточное направление. У заключенных создалось впечатление, что их похитители были в хорошем настроении: они жарили на костре свинью, которую похитили из соседнего двора, и говорили, что война почти закончилась. Людям в подвале сказали, что их скоро освободят.



Новый Быков после ухода российской армии. Кадр: General Staff of the Armed Forces of Ukraine / YouTube

Я приехал в Новый Быков через несколько дней после ухода российских войск. Улицы были усеяны сгоревшими бронетранспортерами. В стенах домов — дыры от снарядов. Во дворах — груды кирпичей и обломков. Петр Луценко привел меня в свой дом, где месяц жили российские военные. Он с женой Тамарой на это время остановился у друзей. Однажды Тамара зашла за едой, и солдаты вели себя вполне вежливо. На следующий раз она заметила, что одна из свиней пропала. Солдат Тамару прогнал. «Не ходи сюда больше, иначе убьем», — сказал он.

Теперь, когда россияне ушли, Тамара и Петр проводят ревизию того, что в доме пропало. В каждой комнате — бардак: одежда, бумаги и документы усеивают пол ровным слоем. Везде разбросаны упаковки от российских военных сухпайков. «Они забрали стиральную машину, телевизор, плиту, матрасы, ковер со стены», — подсчитала Тамара. На двери кухни кто-то написал большую букву Z. «Дикари», — резюмировал Петр.

Теперь, когда российские войска полностью выведены из Киевской области, а оставленные ими города и деревни оплакивают погибших, появляются первые рассказы о месяце жизни под оккупацией. Судя по ним, мародерство было практически повсеместным. Я слышал множество историй о похищениях, пытках и убийствах.

Киевский пригород Буча, где были убиты сотни гражданских, и их тела находили на улицах и во дворах, привлек внимание к масштабу российских военных преступлений. Похоже, Буче суждено стать ужасающим символом беспорядочного насилия российской армии в Украине. Но такие проявления насилия встречались и во многих других местах.



Новый Быков после ухода российской армии. Кадр: General Staff of the Armed Forces of Ukraine / YouTube

Когда я приехал в Великую Дымерку^[2], люди в очереди за гуманитарной помощью — после месяца оккупации и блокады без еды и лекарств — рассказывали, как в первые дни российский БТР ездил по улицам, стреляя во всех подряд. «Мой друг вышел из дома, потом *бах-бах-бах*, и он уже мертвый лежит», — видел Иван Чапаев. Тело его друга

пролежало на улице две недели. В селе Гребельки в 20 километрах от Великой Дымерки я встретился с Надеждой Герасименко: ей под семьдесят, двое ее сыновей, Олег и Владимир, приехали из Киева в конце февраля, думая, что в Гребельках будет безопасней. Но в начале марта в село зашли российские войска. Вскоре после этого к дому Герасименко пришли пятеро российских солдат. Олег стоял у окна на кухне, Владимир был в сенях. Солдаты открыли огонь прямо со двора, без предупреждения.

Пули прошли сквозь оконное стекло и попали Олегу в спину; пули пробили входную дверь и попали Владимиру в пах. Герасименко упала на колени и закричала. Владимир сказал: «У меня отказывают ноги». Под ним растекалась лужа крови. «Он умер за минуту», — помнит Герасименко. Олег какое-то время еще был жив, но был ранен сразу в нескольких местах. Солдаты зашли в дом. «Не стреляйте! — закричала Герасименко. — Вы одного уже убили! Зачем?». Один из них ответил: «Вы убивали наших, мы убиваем вас». Герасименко не знала, что на это ответить. «У нас нет оружия, у нас ничего нет», — сказала она. Солдаты обыскали дом, забрали мобильные телефоны и ушли.

Через несколько дней тело Владимира стало разлагаться, и Герасименко попросила соседей помочь похоронить его во дворе. Панихиды не было; никто из священников из окрестных деревень не смог приехать из-за оккупации. Олега в итоге удалось вывезти в больницу на западе Украины.

Герасименко показала кучу земли, из которой торчал железный крест. «Сыночек мой, сыночек мой,

сыночек мой», — плачет она. После его гибели она несколько дней ходила к солдатам и спрашивала: «Зачем вы убили моего сына?» Один ответил: «Не плачь, бабуся». Другой отвернулся и ушел. Третий пытался предложить ей денег. Она отказалась. «Я сказала: "Мне не нужны ваши деньги, просто скажите, когда вы уйдете"».

Как и в других селах, перед началом отступления россияне начали грабить. Они ворвались в дом Герасименко, забрали зимние куртки и обувь ее сыновей, автомобильные покрышки, даже вырвали заднее сиденье из машины. Когда они уезжали, Герасименко видела, что танки ломились от бытовой техники, матрасов и сумок с одеждой. Теперь, когда они ушли, Герасименко хочет достойно похоронить Владимира, но есть проблема: считается, что российские военные заминировали кладбище.

На следующий день после того, как российские солдаты объявили пленным в Новом Быкове, что скоро уедут, другие военные привели еще семерых украинских пленных. Это, по всей видимости, разозлило солдат, охранявших подвал. «Нам тут нормально было, а вы все испортили», — сказал командир, ответственный за заключенных. Никому так и не удалось узнать ни его имени, ни звания.

Еще через день, 30 марта, он зашел в котельную и начал стрелять по стенам и в потолок, приказав всем встать на колени. Занько и Тирпак считают, что он был пьян. По словам Дидыка, командир был в слезах — молодой человек считает, что тот не хотел делать то, что от него требовалось. Командир сказал, что перед

ним поставили задачу: четыре трупа. Он спросил, кто будет добровольцем. «Нам нечего терять, если такова наша судьба, так тому и быть», — вспоминает Дидык слова заключенного, который поднял руку. Русские увели двух мужчин. Через несколько минут, по словам Тирпака, они вернулись и сказали: «Нам нужно еще двое». «Начался процесс отбора», — вспоминает Тирпак. Я спросил Дидыка, кого военные убили: «Двоих мужчин постарше и еще двоих, которых я не знал». Солдаты дали каждому по стакану водки и увели в ночь.

Ближе к рассвету командир вернулся в подвал. Он сказал, что российские части выдвигаются из села в шесть утра: «Дождитесь, пока уедем, выбейте дверь и бегите». Где-то в 6:30 Дидык и еще семнадцать человек выбрались из подвала. Они побежали через кладбище в сторону соседней деревни. По пути они увидели тела троих из четверых мужчин, которых застрелили несколькими часами ранее.



Новый Быков после ухода российской армии. Кадр: General Staff of the Armed Forces of Ukraine / YouTube

Я побывал на кладбище в Новом Быкове, которое находится через дорогу от подвала, где держали пленных. Два тела нашли в яме у входа на кладбище. Третье — под куском шифера на дороге. Их уже убрали, но темные пятна крови на земле были все еще заметны.

Викторию пока так и не нашли. С тех пор, как российские войска ушли из села, ее имени не удалось обнаружить ни в одном списке пленных. Микола слышал, что она может быть в Беларуси. Я не стал спрашивать, рассматривает ли он *и другую возможность*. «Моя дочь патриотка, — говорит Микола. — Я горжусь ею». Он не знает, как сказать своей 81-летней матери, страдающей деменцией, что внучка пропала. Он вообще старается не вдаваться в подробности о войне. Вместо этого в разговоре с ней он использовал образ, понятный ей с детства: «Я сказал ей: "Мама, немцы вернулись"».

Оригинал: *"The Prisoners in a Cellar in the Ukrainian Village of Novyi Bykiv" by Joshua Yaffa; [The New Yorker](#), April 8, 2022.*

Перевод: волонтеры команды инстаграма [@krasilshchik](#)

-
1. Село располагается в Черниговской области около границы с соседней Киевской областью.
 2. Поселок в Броварском районе Киевской области.